

В ДОЛГОВОЙ ЯМЕ

Кирилл Бенедиктов

В декабре несколько тысяч жителей Латвии подписались под петицией к правительству Швеции с просьбой оккупировать их страну. *«Мы, нижеподписавшиеся, хотим попросить Шведское государство, чтобы оно нас оккупировало. Мы считаем, что Латвийское государство по вине его руководителей полностью потеряло смысл своего существования. Мы готовы принять и соблюдать законы Швеции и платить налоги Шведскому государству»*, — говорилось в документе. В коридорах власти в Риге открыто заговорили о банкротстве и дефолте.

В русский язык слово «дефолт» (default, невыполнение обязательств) вошло в августе 1998 года, когда правительство Кириенко объявило о прекращении платежей по ГКО и ОФЗ. Фактически государство признало себя банкротом. Замминистра финансов **Дмитрий Панкин** говорил: *«Было ощущение, что все иностранные инвесторы, все мировое сообщество вычеркнут Россию из числа нормальных партнеров на десять, пятнадцать, двадцать лет, и на этом нормальная экономика закончилась»*.

Однако этого не произошло. Россия вышла из кризиса окрепшей, и никто не подвергает сомнению ее членство в клубе ведущих мировых держав.

В 2007 году финансовые неприятности настигли Францию. Дефицит бюджета рос такими темпами, что премьер **Франсуа Фийон** был вынужден заявить о фактическом банкротстве страны. Но и тут не было никаких серьезных последствий. В разное время в категорию неплатежеспособных государств попадали Аргентина, Украина и ряд других государств. *«Главное отличие неплатежеспособности государственной от частного банкротства в том, что государство, как правило, не разоряется окончательно,*

— считает профессор Йенского университета **Кристоф Олер**. — *Государство не может покрывать свои текущие обязательства. Но по мере выздоровления экономики оно возобновляет платежи, и страна возвращается на мировой финансовый рынок»*.

Так и было до недавнего времени. Однако **нынешний кризис изменил правила игры. Выздоровление экономики напрямую зависит от ситуации на мировых финансовых рынках, а что делать, если сами эти рынки лихорадит?** Кризис, как потоп, грозит смыть с лица земли целые страны. Примером может служить Исландия. Когда мировой финансовый кризис уничтожил ликвидность крупнейших банков, а рыбу стали покупать меньше, Исландия оказалась на грани банкротства. От

Недееспособные государства

С конца 1990-х годов в лексиконе аналитиков появился термин «failed states». Его переводят как «государства-банкроты», «несостоявшиеся государства», «государства-неудачники», но по смыслу ближе «недееспособные государства». Тема «недееспособных государств» и «государств, теряющих дееспособность» («failing states») вошла в широкий обиход после речи главы МИД Великобритании **Джека Стро** 6 сентября 2002 года. Стро отнес к «недееспособным государствам» те страны, где *«центральная власть ослабла настолько, что не в состоянии поддерживать закон и порядок, а территории контролируются соперничающими кланами и бандами»*.

Концепция **failing states** была развитием популярной концепции **rogue states** («государства-изгои»). Стро находил определенное сходство между государствами-изгоями (Ираком, Северной Кореей и т.д.) и «недееспособными государствами»: одни были неспособны соответствовать принципам международного права, другие чересчур охотно их попирали. Общим было то, что они про-

Расширенное толкование понятий «failed» и «failing states» было удобным для сторонников пересмотра концепции государственного суверенитета

окончательного падения ее удерживают только огромные кредиты. Тем не менее **Исландия остается наиболее вероятным кандидатом на звание первой европейской страны-банкрота. В спину ей дышат Латвия и Украина.**

воцировали «международное сообщество» на силовое вмешательство и установление режима внешнего управления.

Поначалу речь шла о странах типа Сомали, Демократической Республики Конго или Афганистана, где политический

хаос служил питательной средой для терроризма, торговли оружием и наркотрафика. Однако постепенно «клуб недееспособных государств» расширялся.

Известный американский мыслитель **Ноам Хомски** определял характеристики недееспособного государства так: *неспособность или нежелание государства защитить своих граждан от насилия или смерти; склонность власти считать себя выше национального закона и норм международного права; дефицит демократии, лишаящий формально действующие демократические институты реального содержания.*

Джек Стро относил к недееспособным государствам не только страны Африки, но и «Балканы начала 1990-х». А в докладе RAND Corporation «Оценки упадка России» за 2002 год говорилось: *«Хотя Россия в полной мере не может быть описана как «недееспособная» или «теряющая дееспособность» страна, в ней присутствует несколько важных признаков развала государства».*

Расширенное толкование понятий «failed» и «failing states» было удобным для сторонников пересмотра концепции государственного суверенитета. *«Предотвращение недееспособности государств и восстановление государственности в тех, которые утратили свою дееспособность, является одним из стратегических императивов нашего времени»,* — подчеркивал Стро.

С 2005 года оценкой количества государств, находящихся в нестабильном состоянии, занимаются американский журнал Foreign Policy и общественная организация «Фонд мира». Раз в год они публикуют экспертный рейтинг «недееспособности государств».

Индикаторы нежизнеспособности

В основе методики с применением так называемого сис-

темного инструмента оценки конфликтов (CAST) — оценка по двенадцати критериям, объединенным в три группы: социальные, экономические и военно-политические. Социальная группа — это растущее демографическое давление, массовая миграция беженцев и/или интернированных лиц, наличие недовольных, мстительно настроенных групп и групп с параноидальным поведением, ус-

тойчивая и перманентная миграция людей. Экономическая группа: неравномерное экономическое развитие, резкое ухудшение состояния экономики. Военно-политическая: криминализация государства, беззаконие, ухудшение качества общественных услуг, нарушение принципа верховенства закона и нарушение прав человека, опасность возникновения «государства в государстве», усиление групповых и клановых элит, вмешательство других государств или внешних игроков.

Аналізу подвергается способность пяти ключевых государственных институтов — политического руководства, армии, полиции, судебной системы и гражданских служб — обеспечить безопасность государства и его граждан. Затем эксперты анализируют всю совокупность информации и выставляют оценку по шкале от 0 (наивысшая степень стабильности) до 10. Общий результат

— сумма всех индикаторов (максимум — 120 баллов).

120 баллов на данный момент не набрало ни одно государство. Наиболее близко подошла Сомали, набравшая 114,2 балла и опередившая чемпиона прошлого года — Судан (113).

Государства делятся на четыре типа. Красная («тревожная») зона объединяет государства, набравшие от 90 до 120 баллов. Оранжевая зона — страны, чей

индекс находится между 60 баллами и 89,9 балла. Желтая — от 30 до 59,9. Наконец, в зеленой зоне расположены «устойчивые» государства, чей индекс недееспособности менее 29,9 балла.

Ежегодный «топ-60» рейтинга включает в себя наиболее проблемные государства мира. Из европейских стран в «топ-60» уже не в первый раз попадает Молдавия (85,5 балла).

Что касается России, то за последний год она поднялась с 62-го на 72-е место, но осталась в оранжевой зоне. Этот рывок позволил ей занять почетное место на одном уровне с такими странами, как Свазиленд и Коморские острова.

На первый взгляд подобное ранжирование заставляет усомниться в адекватности самого анализа. Однако дело не в предвзятости аналитиков, а в особенностях используемой методики. Из двенадцати критериев CAST лишь два имеют

отношение к экономической ситуации, а это создает перекося в пользу социальных, демографических и военно-политических факторов.

Пересечение кривых

Существуют и другие рейтинги — такие, как «Индекс слабости государств в развивающемся мире», подготавливаемый Brookings Institution. Этот рейтинг основывается на четырех базовых параметрах: экономической и политической ситуации, безопасности и социальной сфере. Экономическая составляющая этого рейтинга более репрезентативна, чем в методике CAST: она учитывает темпы роста экономики, долю ВВП на душу населения, темпы инфляции, разрыв в доходах между богатыми и бедными, качество государственного управления и т.д. — всего двадцать показателей.

«Рейтинг слабости» разносит страны по пяти категориям — «обанкротившиеся государства» (Афганистан, Сомали, Конго), «критически слабые государства» (Ирак, КНДР, многие африканские страны), «слабые государства» (в том числе Узбекистан, Туркмения, Таджикистан, Пакистан, Венесуэла), «государства, требующие внимания» (сюда, наряду с Белоруссией, Китаем, Индией, Азербайджаном и Колумбией, попала и Россия) и «устойчивые государства» — к ним относятся, например, Молдавия, Грузия, Латвия, Литва и Украина. Объективность этого рейтинга вызывает еще большие сомнения: например, слабость России обуславливается крайне низким показателем безопасности — 4,83 балла по десятибалльной шкале, что ниже, чем показатели для Нигерии и Камбуны.

Кризис стал тем фактором, который способен перетасовать привычную колоду красных, оранжевых и зеленых карт. В этой ситуации вывод аналитиков Foreign Policy о

том, что за последнее десятилетие недееспособные государства сместились с периферии глобальной политики в ее центр, звучит зловеще.

Традиционные методы макроэкономического анализа дают более объективную картину. На пересечении рейтингов «недееспособности» и «слабости» государств и таких рейтингов, как, например, «индекс уязвимости ликвидности» (LVI) Standard & Poor's, можно обнаружить немало интересного.

По данным Standard & Poor's, в группу слабейших стран попали все государства Восточной Европы, в том числе страны Прибалтики. Группу наиболее уязвимых стран возглавляет Исландия.

Будущие государства-банкроты нельзя называть «несостоявшимися» или «недееспособными государствами», поскольку банкротство касается лишь финансово-экономических потенциалов государственности, но не исчерпывает эти потенциалы

Стоит отметить, что в рейтинге Foreign Policy 2008 года Исландия занимает 172-е место (на 177-м находится наиболее стабильное государство мира — Норвегия), а все Прибалтийские страны входят в группу «стабильных стран». В рейтинге Brookings Institute Исландия и Эстония не фигурируют вообще, а Латвия и Литва находятся на самой вершине списка «устойчивых государств».

Аналитики Standard & Poor's проводили свое исследование в мире, пережившем первую волну финансового кризиса, и сосредоточились главным образом на проблемах инвестиций и кредитов. Однако резкое изменение экономического положения целых групп стран, еще недавно бывших фаворитами рейтингов, может спровоцировать стремительное падение их статуса в глобальной политической иерархии.

Обострение финансового кризиса может привести к появлению целого ряда стран-банкро-

тов. По мнению директора Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования Степана Сулакшина, будущие государства-банкроты нельзя называть «несостоявшимися» или «недееспособными государствами», поскольку банкротство касается лишь финансово-экономических потенциалов государственности, но не исчерпывает эти потенциалы: *«Не исчезают национальные властные и силовые институты, территориальный фактор и фактор народонаселения. В нарождающихся государствах-банкротах нет таких «типичных» признаков failed state, как угрозы территориального распада, массовых гражданских столкновений с ко-*

лоссальными жертвами, агрессивного противостояния органов государственной власти», — полагает Сулакшин. Однако нельзя исключать сценария, при котором степень финансово-экономического коллапса породит все перечисленные выше проявления институционального кризиса.

«Безусловно, количество failed states, которых сейчас насчитывается полтора десятка, будет расширяться резко, — считает председатель Совета по внешней и оборонной политике Сергей Караганов. *— Совершенно понятно, что это не только производная экономического развития и общей культуры, но и производная политической системы, которая реагирует на экономические вызовы».*

В этих условиях инициатива жителей Латвии, подписавших петицию с просьбой об оккупации их страны Швецией, теряет анекдотичность и превращается в грозный символ надвигающихся перемен. ■